

НАТАЛЬЯ
Александрова

НАТАЛЬЯ
Александрова

Авоська
для бриллиантов

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Оформление *Ксении Щербаковой*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Ранее книга издавалась под названием
«Утром деньги, вечером пуля»

Александрова, Наталья.

А46 Авовьска для бриллиантов : [роман] / Наталья Александрова. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-17-107925-3

Могла ли Василиса Селезнева знать заранее, чем обернется обычная прогулка с собакой? Бордоский дог Бонни откопал в куче осенних листьев... нет, не дохлую крысу, а обычную дамскую сумку, видимо украденную в трамвае или сорванную с плеча. Первой мыслью Василисы было выкинуть эту сумку от греха подальше в первую попавшуюся мусорку, однако любопытство взяло верх, и она проверила ее содержимое. Кроме обычных женских мелочей, в сумке обнаружился талон на прием к стоматологу, и наивная Василиса, пытаясь сделать доброе дело и найти хозяйку, затеяла расследование. А дальше закрутился такой сюжет, что мама не горюй!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-107925-3

© Н. Александрова, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

— **Бонни!** — закричала я что есть мочи. — Сейчас же прекрати! Что я тебе сказала!

Как и следовало ожидать, он сделал вид, что совершенно ничего не слышит.

Вообще говоря, я его очень люблю, и это вполне объяснимо: он удивительно красивый — чудесного песочного цвета, с рельефной мускулатурой и очень выразительным взглядом. Правда, мое пристрастие разделяют далеко не все люди. Особенно те, кто встречает его под вечер на плохо освещенных улицах Васильевского острова, где мы живем с некоторых пор. Некоторые наиболее впечатлительные прохожие едва не падают в обморок. Другие, порезвее, — бросаются наутек. Тогда Бонни поворачивается ко мне и спрашивает взглядом: «Можно, ну можно я немножко побегаю? Ведь это будет так весело!»

Хотя он прекрасно знает, что я ему ни в коем случае не разрешу.

Дело в том, что Бонни (если кто еще не знает) — бордоский дог, со всеми вытекающими отсюда по-

следствиями. Мало того что эта порода собак сама по себе очень крупная, а Бонни даже для своей породы уродился настоящим великаном. На выставки его не пускают, потому что он больше стандарта породы. И взгляд его далеко не всем кажется приятным и выразительным.

Например, мой приятель капитан Творогов из милиции серьезно утверждает, что знаменитая собака Баскервилей, описанная сэром Артуром Конан Дойлем, по сравнению с Бонни — просто мальтийская болонка или карликовый пудель.

Но я немного отвлеклась.

Итак, Бонни сделал вид, что не слышит моих возмущенных криков, и продолжал разрывать огромную кучу желтых осенних листьев.

— Бонни, прекрати немедленно! — воскликнула я еще раз без большой надежды на успех и подбежала, чтобы за ошейник оттащить его от этой кучи.

Дело в том, что вкусы у Бонни довольно оригинальные, и если он заинтересовался этими листьями — наверняка под ними зарыта какая-нибудь гадость, например дохлая крыса. А я крыс не переношу ни в каком виде — ни в живом, ни в мертвом. Кроме того, Бонни обожает забираться в мою постель, и после контакта с этой гадостью... ну, вы сами понимаете, как это приятно!

— Прекрати сейчас же! — повторила я еще раз и ухватила его за ошейник... но тут же поняла, что опоздала, опоздала самую малость: негодяй уже

до чего-то дорылся и вытащил это что-то на свет божий, радостно скаля жуткую морду.

— Брось сейчас же эту гадость! — проговорила я по инерции и только тогда разглядела, что же он, собственно, вытащил.

К счастью, это была не дохлая крыса и не что-нибудь еще похуже (хотя не знаю, что может быть хуже дохлой крысы).

Это была дамская сумка. Очень приличная и очень дорогая, насколько можно было судить после того, как она побывала в зубах моего любимого Бонни. Кажется, я видела похожую сумку в галерее высокой моды на Невском. Не факт, что эта сумка действительно крутой фирмы, может быть, просто приличная имитация.

— Бонни, отдай! Отдай сейчас же! — крикнула я и попыталась отнять сумку у пса.

Но он решил, что я с ним просто хочу поиграть. А среди его любимых игр игра «попробуй отними» занимает одно из первых мест.

Обычно мы с ним играем в эту игру с помощью старого резинового мячика, до того изгрызенного, что его первоначальную форму уже невозможно определить. А тут появилась новая игрушка, так что радости Бонни просто не было границ. Он подпрыгнул сразу на всех четырех лапах, как игривый щенок, и припустил от меня на хорошей скорости.

Мне ничего не оставалось, как броситься за ним вдогонку, пытаюсь на ходу взывать к его совести.

Наконец Бонни немножко сбавил темп: видимо, он понял, что я за ним не поспеваю, а играть

в «попробуй отними» без партнера совершенно не интересно.

Я догнала его, схватила сумку и рванула на себя. Бонни, кажется, наконец понял, что я с ним вовсе не играю, и выпустил свою находку из пасти.

Я огляделась, думая, что с ней делать.

До этого момента я об этом просто не задумывалась — гоняясь за Бонни, было не до размышлений. А теперь я поняла совершенно очевидную вещь: эта сумка краденая. Вор срезал ее у хозяйки в трамвае или автобусе или просто сорвал с плеча, вытащил все ценное, а саму сумку выкинул, как возможную улику. Точнее, не просто выкинул, а зарыл в кучу листьев, где ее и нашел мой оболтус Бонни.

Первой моей мыслью было выкинуть эту сумку от греха в первую попавшуюся мусорку. И я даже шагнула к ближайшему магазину, возле дверей которого стояла урна.

Но тут же я поняла, что, как это чаще всего бывает, первая мысль — далеко не самая умная.

В пылу погони мы с Бонни выбежали из тихого безлюдного двора и сейчас находились на Среднем проспекте. А Средний проспект Васильевского острова, если кто не знает, — одна из самых людных улиц Санкт-Петербурга. Здесь полно народу в любое время дня и ночи, и вся эта толпа обтекала нас, держась на некотором расстоянии. Что было вполне объяснимо, учитывая колоритную внешность Бонни и его более чем внушительные размеры. При этом, разумеется, мы привле-

кали к себе всеобщее внимание, и если я сейчас, на глазах заинтересованной публики, выброшу в мусорную урну сумку — с виду довольно дорогую и почти новую, — это заметят десятки людей, и, по крайней мере, половина из них заподозрит неладное. То есть все они, как и я только что, совершенно справедливо подумают, что сумка краденая, только они-то, в отличие от меня, будут уверены, что именно я ее украла, а сейчас отделиваюсь от улики... А что — вид у меня после погони за моим четвероногим сокровищем не самый лучший — волосы растрепаны, на рукаве куртки грязь, к ботинкам прилипли листочки. Да и сама одежда и обувь поношенные и не слишком чистые — а кто же с собакой в дорогом да хорошем гуляет? То есть у прохожих такой вид, несомненно, вызовет подозрение.

Нет, выкидывать сумку на глазах у публики никак нельзя!

Но и идти с ней дальше тоже небезопасно: у меня на плече висела своя собственная сумка, в руках — вторая, а это, согласитесь, довольно подозрительно. Девушка с двумя сумками выглядит примерно так же, как известный памятник вождю мирового пролетариата, где незадачливый скульптор изобразил его с двумя кепками: одна — на голове, а другая — в руке...

Кроме того, существует вероятность (пусть и небольшая) встретить хозяйку краденной сумки. Тогда мне будет очень трудно перед ней оправдаться.

Короче, я вытащила из своей сумки фирменный пластиковый пакет, запихнула в него злополучную находку и пошла себе дальше с самым независимым видом, решив выкинуть эту чертову сумку при первой возможности.

Правда, по ходу дела мне пришла в голову еще одна мысль: прежде чем выбрасывать сумку, надо бы проверить ее содержимое. Вдруг в ней остались какие-то документы или еще что-то важное — тогда нужно найти ее хозяйку и вернуть ей потерю. Тем более что я вспомнила, как совсем недавно мы с дядей Васей по заданию одной девушки искали ее сумку, точно так же украденную у нее случайным вором. Тогда поиски этой сумки стоили нам огромных усилий, а уж что мы узнали в итоге, и вспоминать не хочется... Впрочем, это совсем другая история.

Кстати, раз уж я упомянула дядю Васю — надо сказать, кто это такой и что меня с ним связывает. Василий Макарович Куликов — отставной милиционер, не так давно вышел на пенсию и, чтобы не скучать и не маяться от безделья, открыл частное сыскное агентство. И меня он пригласил в это свое агентство на должность то ли секретаря, то ли бухгалтера, то ли девочки на побегушках, хотя на самом деле мне очень часто приходится исполнять роль оперативника и детектива. Кроме совместной работы, нас связывает дружба, а еще — одинаковые имена: он — Василий, я — Василиса... Да, вот таким оригинальным именем наградили меня безответственные родители!

За этими мыслями я осознала, что нахожусь на углу Среднего проспекта и Третьей линии, перед входом в свою любимую кофейню. В этом подвальчике работала моя знакомая, Мила, которая обладала двумя несомненными достоинствами: у нее был замечательный характер и она прекрасно варила кофе. Кроме того, она была связана узами дружбы с моими друзьями из милиции — капитанами Твороговым и Бахчиняном. И этих двух капитанов с большой вероятностью можно было застать у нее в подвальчике.

Тут я решила, что после беготни и подвижных игр с Бонни мой организм нуждается в порции кофеина, и спустилась по крутым ступенькам в Милкин подвальчик.

Кроме уже названных достоинств, эта кофейня обладала еще одним, и очень важным: ни в одно заведение, кроме этого, меня не впустили бы с Бонни, а Мила хорошо знала моего пса и разрешала ему заходить в кофейню, взяв с него (и с меня тоже) слово, что он будет себя прилично вести. И даже угощала его горячими бутербродами с ветчиной, до которых Бонни был большой охотник.

Итак, мы с Бонни спустились в подвальчик и, разумеется, увидели за угловым столиком обоих неразлучных капитанов. Правильно, сейчас утро, и они в это время всегда пьют кофе у Милы, чтобы, как выражается капитан Бахчинян, день расцвел всеми красками жизни от такого дивного напитка.

Капитан обаятелен и по-восточному речист.

Творогов и Бахчинян сидели, пригорюнившись, над полупустыми чашками кофе и обменивались глубокомысленными репликами:

— М-да... глухое дело... — говорил Леша Творогов с тяжелым, грустным вздохом.

— И не говори... натуральный висяк! — вторил ему Ашот Бахчинян, потупив взор своих выразительных восточных глаз.

— Мальчики, хотите тирамису? — подала голос из-за стойки Мила, стремясь хоть чем-то утешить друзей.

— До того ли! — вздохнул Бахчинян. — Вот еще одну чашечку кофе можно...

Тут все трое увидели меня, точнее — нас с Бонни.

— Привет, Вася! — проговорил вежливый Бахчинян. — Присядь с нами, раздели, так сказать, нашу печаль!

Леша Творогов посмотрел на меня жалобно и отвел глаза. Все ясно, у него опять начался романтический период.

Дело в том, что у нас с Лешей очень сложные отношения. Познакомились мы, когда два бравых капитана задержали меня по подозрению в убийстве. Убийства я, разумеется, не совершала, но обстоятельства оказались против меня, и мне пришлось бы туго, но сильно помог дядя Вася, за что по гроб жизни буду ему благодарна.

С тех пор Леша проникся ко мне нежной симпатией — то ли виноватым себя чувствовал за несправедливое обвинение, то ли я произвела на него впечатление. Иногда, примерно раз в три месяца,

Творогов пытается перейти к решительным действиям, но я всегда начеку и успеваю прервать его косноязычные объяснения в любви и увернуться от ухаживаний.

Леша — хороший парень, но после моего развода прошло не так много времени, мне совершенно не хочется начинать все заново. И к тому же Бонни не сильно жалуется Лешу — не то чтобы ревнует, просто у Творогова дома живет кот.

— Чем же вы так опечалены, мальчишки? — осведомилась я, усаживаясь за их столик.

Бонни разлегся у моих ног и из-под стола выразительно поглядывал на Милку, намекая ей на вкусный бутерброд.

— Да вот, представляешь, Вася-джан, — ответил Ашот, — только мы с Лешей смену оттрубили, хотели кофейку выпить и по домам отправиться — тут как раз убийство на нашей территории. Мы хотели его сменщикам скинуть — а они говорят, что наше дежурство еще не кончилось! Представляешь — без пяти минут было! Еще бы пять минут — и все, на них спихнули бы! Ну, надо же, какая невезуха!

— Главное дело, — перебил приятеля Творогов, — убийство-то совершенно дохлое, чистый висяк!

— Глухарь! — поддержал его Бахчинян. — Полная безнадега! Дохлый номер!

— А что, — спросила я из вежливости, — личность потерпевшего не удалось установить?

— Да наоборот! — отмахнулся Творогов. — Мы этого, так сказать, потерпевшего знаем как облупленного! Да не только мы — вся василеостровская милиция! Он у нас постоянный клиент, можно карту дисконтную оформлять...

— Это как?

— Да вор он, — ответил за напарника Бахчинян, — сумки срезает в трамваях и автобусах.

— Сумки? — переспросила я. — А мы тут с Бонни как раз сумку нашли. Думаем, она краденая... Вот что нам с ней делать?

— Не до тебя, Вася! — отозвался невежливый Творогов. — У нас тут убийство нераскрытое на шее висит, а ты — сумка! Этот Брелок несчастный...

— Какой еще брелок?

— Да у этого воришки, потерпевшего сегодняшнего, кличка такая — Брелок! Мы его уж сколько раз по горячим следам задерживали и ни разу не смогли дело оформить — он все улики сразу скидывает, и попробуй что-нибудь докажи... так вот, если бы сидел сейчас — глядишь, жив бы остался...

Тем временем к нашему столу подошла Мила. Она принесла Ашоту кофе, а Бонни — большой калорийный бутерброд с ветчиной и сыром. Причем, по знакомству, ветчины в него запихнула двойную порцию, если не тройную.

— Держи, Бонечка! — с этими словами Мила протянула Бонни бутерброд. Мой прожорливый красавец чуть-чуть приоткрыл свою безразмер-

ную пасть... и бутерброд бесследно исчез. В глазах Бонни появилось выражение безмерного удивления и разочарования — как, мне же вроде предлагали какой-то вкусный бутерброд, и где же он? Что-то я не понял!

— Ну, ты даешь, Бонечка! — восхитилась Мила. — Ты прямо как наш пожарный инспектор Сапожков! Ему тоже не успеваешь положить что-нибудь на тарелку — как он уже схоячил и добавки требует!

Бонни очень жалостно посмотрел на Милу и облизнулся своим огромным розовым языком. Это выражение морды можно было перевести так: «Я не прошу, но жду...»

— Ну ладно, Бонечка, сейчас я тебе еще сделаю! — смягчилась мягкосердечная Мила.

— Милка, не давай ему больше! — вмешалась я в их интимные взаимоотношения. — Он и так растолстел за последний месяц, а нам скоро к ветеринару идти...

— Хорошего человека должно быть много, даже если он собака! — вздохнула Мила и посмотрела на Бахчиняна. — Вот погляди, Ашот, какой у Бонечки аппетит! А ты только и знаешь, что на кофе налегаешь! Скоро в замочную скважину будешь пролезать!

— А что? — оживился Ашот. — Это очень удобно... при нашей работе! — И он выразительно подмигнул Милке.

— И кому этот Брелок понадобился? — вздыхал о своем Творогов. — Главное дело, что шеф наш